

Чжао Цзинчжун понизил голос ещё сильнее:

— Я выяснил: Юэ Чжун не женат, возлюбленной тоже нет. Дом его — в пяти ли к западу от города, в Улидуне, один двор. Каждый день, кроме ночных дежурств, он ходит на службу и возвращается домой, изредка выпивает с несколькими близкими братьями, в веселительные заведения — никогда.

Хэ Сы недоумённо переспросил:

— Погоди, зачем тебе это?

На лице Чжао Цзинчжуна отразилось выражение «я всё понимаю, всё знаю»:

— Наместник, раз вы с Юэ Чжуном остались наедине в тёмной комнате, значит, он вам приглянулся? Не беспокойтесь, происхождение у Юэ Чжуна чистое, можно действовать. Стоит вам только приказать... — Он сделал резкий жест, словно что-то рубя.

Хэ Сы: «...»

На душе у Хэ Сы стало тяжело. Ему всего восемнадцать, за что ему всё это? Ему нужно тёплое объятие, чтобы забыть об этих чёртовых подчинённых и гвардейцах.

Сегодня был выходной, в управлении императорского города было малоллюдно. К счастью, юный император сегодня вёл себя смирно и не выкидывал фокусов. Получивший душевную травму Хэ Сы решил выйти из дворца, прогуляться, развеять тоску, заодно встретиться с одним из Четырёх Великих Хранителей, Ван Чжаоцаем, который издалека спешно вернулся.

Чжао Цзинчжун сказал, что Ван Чжаоцай привёз из области Ю потрясающую, важную новость.

Ради этого Хэ Сы, прежде чем выйти из дворца, специально захватил с собой дополнительный флакон пилюль защиты сердца.

Он до смерти боялся, что Ван Чжаоцай вдруг выскочит и скажет: «Ох, наместник! А вы и не знали? Старый глава Палаты ещё должен князю Нин миллион восемьсот тысяч лянов серебра!»

Кстати, область Ю — это владения князя Нина, а тот ещё тот персонаж, что в своё время наводил кровавый ужас.

С тех пор как старый глава Палаты начал каждый день под конвоем отправлять его во внутреннюю школу, у Хэ Сы почти не оставалось времени слоняться по столице, дразнить кошек и выгуливать собак.

Вспомнив о брошенной внутренней школе, Хэ Сы лицемерно вздохнул. Всё-таки быть главой Палаты — это хоть какие-то перспективы. Кроме мелкого недостатка в виде постоянного страха за свою голову, по крайней мере, не приходится каждый день терпеть презрение тех ханьлинских академиков и переписывать «Четверокнижие» и «Пятиканоние».

Быть образованным евнухом — это ох как нелегко!

Вздыхая, Хэ Сы переоделся из парадного платья в обычное, надел шляпу с вуалью и вместе с несколькими агентами Восточной палаты во главе с Чжао Цзинчжуном бесшумно выехал из императорского города через западные ворота, свернул с Западной Тайпинской улицы на

самую оживлённую в западной части города улицу Сюанью.

Стоило ступить на улицу Сюанью, как Хэ Сы явно почувствовал, что Чжао Цзинчжун и другие агенты, скрывающиеся в тени, мгновенно повысили бдительность и приготовились в любой момент вступить в бой.

Хэ Сы их понимал. В конце концов, голова начальника Восточной палаты уже давно прочно обосновалась в первой десятке чёрно-белого списка наград.

По словам Чжао Цзинчжуна, изначально она по праву занимала первое место. Но потом, из-за слишком высокой опасности этой должности и частой смены начальников Восточной палаты — убьют одного, назначат другого, — заказчикам, размещавшим награды, это стало не по карману, и сумма постепенно снизилась. Пока приёмный отец Хэ Сы, старый глава Палаты, не занял пост, став самым долгоправящим начальником за всю историю Восточной палаты, — тогда награда снова рванула вверх, явно намереваясь вернуться на первое место.

Впрочем, Чжао Цзинчжун утешал Хэ Сы, советуя не слишком беспокоиться. Не говоря уже об их непревзойдённом мастерстве Четырёх Великих Хранителей, даже одни только вездесущие агенты Восточной палаты наверняка смогут защитить Хэ Сы и обеспечить его безопасность. Самое главное, после того как Хэ Сы сменил старого главу Палаты, позиция Восточной палаты в списке наград несколько снизилась. Причина... новый белокожий красавчик выглядит не слишком боевито...

Хэ Сы: «...»

Хэ Сы меланхолично вздохнул. Выходит, и красота — это прегрешение...

Он приподнял веки, взглянул на Чжао Цзинчжуна и вдруг спросил:

— Насколько твои боевые искусства сильны? Можешь грудью камни дробить?

«...» Чжао Цзинчжун вздрогнул, на лице мелькнула тень смущения.

Хэ Сы: «???»

Чжао Цзинчжун, полный стыда, опустил голову:

— Наместник, я ещё не освоил такие вершины мастерства, как «Золотой колокол» и «Железная рубашка». Но не волнуйтесь! Мой учитель сказал, что с моим текущим уровнем, примерно через два года, я достигну полного совершенства!

Хэ Сы немного подумал:

— Кто твой учитель? Пусть завтра явится в Восточную палату. Нет, лучше сегодня доложит о прибытии.

«...» Глаза Чжао Цзинчжуна тут же наполнились блестящими слезами.

Поиздевавшись над Чжао Цзинчжуном, Хэ Сы с лёгким сердцем продолжил путь по оглушительно шумной, пёстрой рыночной улице.

«Если бы не этот ворох долгов, — подумал он, — жизнь была бы ничего: есть, спать, дразнить Чжунчжуна — и всё счастливо».

Сегодня было пятнадцатое число. В окрестностях столицы каждый первый и пятый день месяца — базарный, и в такие дни на улицах всегда особенно многолюдно.

Нравы в нашу династию открытые, женщины не сидят постоянно взаперти дома, поэтому на улицах — и мужчины, и женщины, в шёлках и парчах всех цветов, картина прямо-таки процветающей эпохи.

Но Хэ Сы отлично понимал: это процветание — как крепкое вино, разбавленное водой. Сколько в нём правды, сколько лжи — знают лишь те, кто постоянно наблюдает за каждым уголком этой империи.

Вспомнилось: когда-то Великий Предок, основав дело, не достиг и половины, а бюджет уже исчерпал. История становления Великой Янь была извилистой, как стиральная доска. Огни войны полыхали больше десяти лет, прежде чем Великий Предок, выходец из низов, едва установил границы и создал маленький двор. Потребовалось три поколения внутренних и внешних захватов, чтобы территория размером с лепёшку разрослась до нынешнего петуха.

Возможно, первые несколько императоров Янь были слишком выдающимися и растратили удачу потомков. После императора Дэцзуна поведение императоров Великой Янь резко изменило стиль. Каждый — управлять страной на аудиенциях не умел, а вот в питье, еде, разврате и азарте, в бесполезных занятиях — был большим знатоком. Кроме как императорами, они преуспели во всех трёхстах шестидесяти ремёслах, чем несказанно обрадовали стаю шакалов, тигров и барсов за границей и на юго-западе. Обрадовались те — подняли войска, ударили изнутри и снаружи и осадили столицу Великой Янь!

Осаждали три года. Может, срок этой династии ещё не истёк, но в лютую зиму обрушилась сильнейшая метель, и они, уже на краю гибели, едва выстояли, дождавшись верных войск, спешащих на выручку, — так и выхватили нить жизни.

Пережив такой большой переплёт, последующие императоры стали немного смирнее: исправно проводили аудиенции, исправно визировали мемориалы. Без заслуг, но и без проступков. Однако силы были уже подорваны.

Хэ Сы отлично это понимал, но что он мог поделать? Он же всего лишь евнух, который даже жениться не может. Поэтому он считал: лучше бы Внутренний кабинет, вместо того чтобы понапрасну подавать мемориалы, обвиняющие его в своевластии и произволе, нашёл время присмотреть за тем маленьким негодяем, что сидит на драконовом троне в императорском городе, — пусть бы тот проявил усердие, побольше читал, да хоть немного лицо своим предкам сохранил.

Чтобы император, едва успевший прогреть трон, не стал объектом вожделения для каких-нибудь беспокойных шакалов, тигров и барсов, и чтобы Хэ Сы, связанный с ним одной верёвкой, как кузнечик, мог спать спокойно.

Да, именно так, Хэ Сы говорил о князе Нине.

Неизвестно, какие именно новости о князе Нине привёз на этот раз Ван Чжаоцай. Хэ Сы прикинул самый неблагоприятный вариант — князь Нин наконец не выдержал и решил поднять мятеж.

Подумал об этом — и вновь опечалился, только что было посветлевшее настроение. Пока он, рассеянный, слез с лошади и поднял голову...

Стоп. Он отступил на два шага, снова поднял голову и внимательно посмотрел.

Да, именно они, три больших иероглифа, написанных жирно: «Ихуньюань».

Хэ Сы замолчал. Вспомнилась переделанная противниками Восточной палаты дразнилка: «Спроси, сколько печали в тебе таится, — словно строка евнухов, что в публичный дом стремится!»

Чёрт побери, как же это попадает в точку!

Почему Ван Чжаоцай выбрал для встречи именно это место? Не хочет ли он намекнуть, что тоже мечтает отрезать *это* и прийти во дворец, чтобы стать его любящим и любимым товарищем? (J`□')J□

В этот час ещё не время было публичным домам открываться и принимать гостей, на улице Циньлоучугуань мало прохожих. Чжао Цзинчжун, выглядывая по сторонам, снял капюшон и тихо постучал в дверь.

Через некоторое время кто-то изнутри со скрипом отодвинул засов, приоткрыл щель и выглянул. Увидев Чжао Цзинчжуна, тот тихо ахнул и пробормотал:

— Как же так рано...

Хэ Сы, услышав голос, мигнул. Звучало не очень по-женски...

Когда тот открыл половинку двери и с некоторой осторожностью впустил их обоих внутрь, Хэ Сы разглядел: это действительно была не женщина, а юноша лет двадцати, одетый в красное.

На его лице ещё оставался потускневший макияж, во взгляде и очертаниях бровей сквозила ленивая, чарующая усталость. Красный шёлковый халат полураскрыт, полуприкрыт на белоснежной коже, изнутри и снаружи веяло соблазнительным, пленительным очарованием. Он, очевидно, несколько побаивался этих людей из Восточной палаты, слегка сгорбился и, прикрывая рот, тихо проговорил:

— Всё там же, в зале «Подсолнух».

<http://bllate.org/book/16284/1466941>